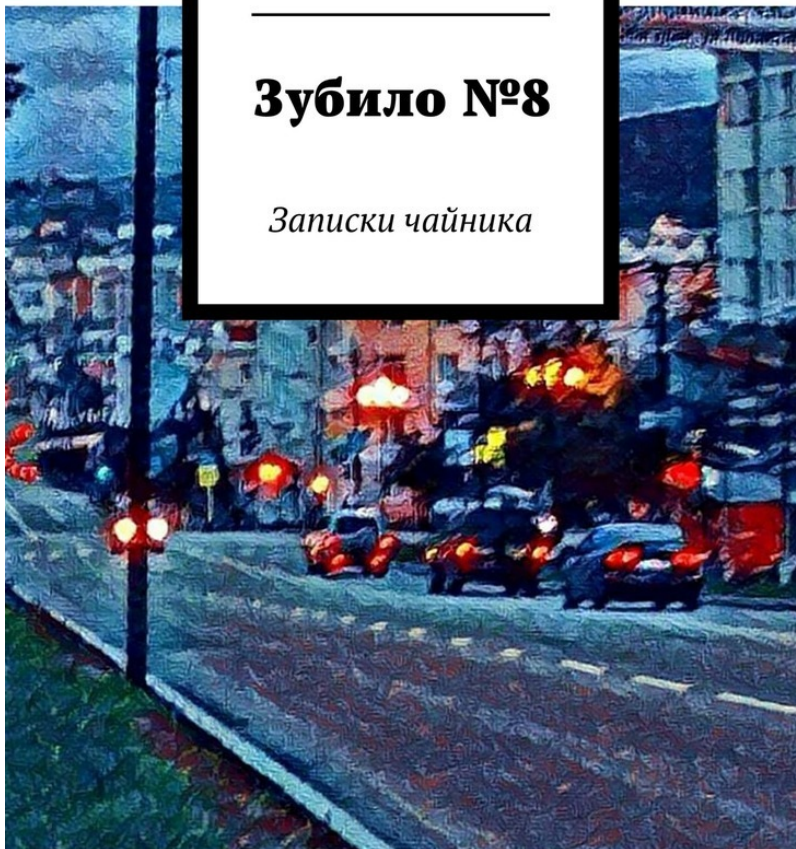

Владимир
Данилушкин

Зубило №8

Записки чайника

Владимир Иванович Данилушкин

Зубило №8. Записки чайника

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21200298

ISBN 9785448319969

Аннотация

Искромётная, немного смешная и грустная история аутичного человека с подавленным инстинктом власти, впервые столкнувшегося с автомобильным миром.

Содержание

Тупик на колесах	5
На его месте мог оказаться другой	8
Число зверя	11
Все дороги сходятся	18
Душа – 31 грамм	21
Пешеходы не выходят в генералы	26
Гонка за инспектором	29
Это вам кажется	33
Сам себе игрун	35
Зубило и чайник	38
Десант	48
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Зубило №8
Записки чайника
Владимир Данилушкин

© Владимир Данилушкин, 2016

© Максим Данилушкин, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-1996-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тупик на колесах

Пусть этот тополь будет тебе пухом.

Эпитафия

15 июня 2002 года Матвей Ильич Гнусин пытался перейти дорогу в центре Магадана, как раз у главной клумбы города, куда работники комбината зеленого хозяйства в оранжевых жилетах в это время высаживали по линиям, провешенным бечевкой, рассаду бархатцев, астр, ноготков и анютиных глазок. Отделенные от массы, растения чувствовали себя неуверенно, как сошедшие на берег матросы и шурили свои голубые и фиолетовые глазки под лучами солнца, которое в эту пору все еще больше светит, чем греет. До сентябрьских заморозков им предстояло одолеть трудную и, быть может, красивую жизнь, достойно встретить белые ночи, туманы и проливные дожди, отпозировать сотням фотолюбителей, снимающим в цвете своих малых чад на живом фоне, а кому-то дать себя вырвать, чтобы быть подаренным любимой женщине. Самопожертвование так свойственно цветам.

Гнусин спотыкнулся на собственной банальности и на неровности асфальта. Этот сквер именовался в городе «Узел памяти», вызывая недоумение заслуженного художника, особенность которого заключалась в том, что если встретишь его утром по пути на работу, то обязательно

столкнешься с ним и его очаровательной супругой в обед возле хлебного магазина и вечером где-нибудь в центре. Весь день будет озарен его пронизательным взглядом, солидной фигурой и видением портрета в профиль: если бы он рисовал Гнусина, то только так, и придал бы ему сходство с писателем Бабелем.

Подумать только, – очнулся Гнусин, как ото сна во сне, возвращаясь в новый век, – в Магадане автомобильные пробки! Люди навезли из Японии столько машин, что впору перейти на левостороннее движение. Отечественных авто почти не видно. И смотрятся они зачастую пасынками на этом празднике жизни. Как его постаревшая «восьмерка» Волжского автозавода. Что больше всего задевает за рулем этих «джипов» сидят девчонки. Руль держат одним пальчиком, обязательно при этом смолят сигаретой и мурлыкают по мобильнику. И еще в салоне включена стереосистема с так называемой музыкой, по ритму напоминающей забарахливший мотор. Водительница находится где-то в запредельном мире, в возвышенном состоянии. – Единственно от звукового упоения. Эйфория, переизбыток счастья, эндорфины, вырабатываемые собственным мозгом. Что за седой человек на обочине? Да она его просто не видит глазами, а сексуальное влечение, которое можно почувствовать кожей, отсутствует. Да хоть бы и видела. Одним больше, одним меньше, подумаешь!

Полотно дороги неширокое, полутороспальное, хороше-

му прыгуну за один раз перескочить, а он стоит и стоит, как нищий, ожидающий подаяния. Вот образовался какой-то просвет, Гнусин устремился в него, кукольное лицо за широким стеклом интимно приблизилось, он невольно подпрыгнул, упал на капот, послышался треск ломающихся ребер, а затем арбузный удар головой в стекло, в котором образовалась вмятина, наподобие бластера в самолете ледовой разведки, только внутрь, а не наружу.

Господи, какой же я невезучий, – привычно подумал Гнусин, погружаясь в соленый океан.

На его месте мог оказаться другой

Это такие теплые перчатки, что мне и шубы не надо.

Поименные списки безымянных героев

Сообщения об автокатастрофах сбивали Гнусина с катушек. На себе не показывают. А он показывал и легко входил в шкуру пострадавших и погибших. Черeda страданий накачивала, заставляя думать только об одном, что эта катастрофа может случиться с ним, он может разбиться, перевернуться, сгореть вместе с моторизованном домом. Когда случилось столкновение, все существо его возопило, пока сознание не покинуло израненное тело. Я же это предчувствовал! Странное счастье заливало его долю секунды, наступало спокойствие, а следующая доля секунды внесла холодную уверенность, что ничего подобного уже не произойдет, и хорошо, что это уже случилось, не надо ожидать и предчувствовать, строить предположения. А ведь могло быть значительно хуже. И хорошо, что это именно с ним стряслось, а ведь на его месте могли оказаться сын, жена. И в следующее мгновение он ощутил счастье хорошо сделанного дела.

Врачебный персонал действовал быстро и слаженно. Его осмотрели врачи разной специализации, от терапевта до проктолога, а лечение было решено вести в основном поко-

ем. Обычный гипс не годился, и пришлось применить новый метод, до этого опробованный только на крысах и козлах. Его поместили в огромную ванну и залили эпоксидной смолой, когда пластик застыл, он стал напоминать глыбу янтаря с вкрапленным жучком, в сильно увеличенном виде. Конечно же, эпоксидную смолу особого состава пришлось закачать и внутрь, чтобы лучше срастались сломанные кости. Части кожи, обгоревшие от взорвавшегося аккумулятора, требовали иммобилизации, поскольку не выдерживали даже веса простыни. Лучше всего помогала специальная противоожоговая кровать с эффектом невесомости, но магаданские медики в союзе с учеными академического института пошли дальше, применив мощные электромагниты. Пациент завис над кроватью, как гроб Магомета. Явление зависания было приравнено в ученом мире к находке мамонтенка Димы. Директор института, академик Острый, нашел гранты на продолжение исследований. Собственно, ему даже не пришлось делать каких-то особых пируэтов, друзья из-за океана пришли на помощь и вжучили десятки тысяч долларов. Кроме того, солидную пачку баксов толщиной с лошадиное дышло передал некто, пожелавший остаться неизвестным. На всякий случай пачку дали обнюхать служебной собаке, натасканной на наркотики и взрывчатку, но та лишь шумно выдохла и отвернулась.

Не осталась в стороне и автоинспекция. Был создан передвижной пост ГАИ и пункт боевой славы, несколько разби-

тых машин срочно залили эпоксидкой, и это произвело волнение в Японии, которая закупила следы и вещественные доказательства катастроф по цене новых джипов. Так разбивать машины могут только русские. Велись переговоры о создании в Магадане школы икебаны на базе Нагаевской бани. Рассматривался вопрос о присуждении Матвею Ильичу звания почетного якудзы.

Гнусин воспринимал жизнь с некоторым замедлением, и основное волнение от катастрофы пришло к нему, когда организм оказался к этому готов. Картины жизни замирали, заключенные в дорогие рамы и радовали радостью коллекционера. Когда шли реанимационные работы, резка, чистка, штопка, он не чувствовал боли, но какие-то участки мозга продолжали работать и лихорадочно накачивать информацию для построения соответствующих выводов. Что-то булькало и капало, как в самогонном аппарате. Закованный смолой, лишенный возможности производить даже миллиметровые шевеления, он улетал во времени и пространстве и с удовольствием посещал такие участки внутренней вселенной, о которых напрочь забыл в прежней жизни.

Число зверя

Цель оправдывает выстрел.

Гл-Пост

Накануне отъезда на Снежку втроем в ночном канале он видел по телевидению рекламу тортов. Украшения на них были в виде бисквитных фаллосов, пропитанных коньяком. Ну вот, – подумал Гнусин, – а у нас нет даже секса по телефону, и вдруг тревога схватила за сердце. Конечно, что-то должно случиться. Вернее, не должно. Жизнь многообразна и многоуровневая, а это дает пищу уму, а автомобиль – источник повышенной опасности. За ним глаз да глаз нужен.

Путешествие на лыжах, даже столь непродолжительное, – особая поэма. Как и возвращение в город, а там последняя фаза, называемая «поставить машину». Обычно сын проделывает это один. А дальше еще ему вернуться с платной стоянки. О том, какие опасности его подстерегают, Гнусин-старший запрещает себе думать, чтобы не навлечь несчастье, ведь слово притягивает беду.

Часа в два ночи его посетила тихая конспиративная радость – короткий промежуток между двумя страданиями. В глубине ночи можно прятаться от текущих проблем, как на Снежке. Простор и тишина – идеальное место для лечения психических больных и приравненного к ним контин-

гента. И правильно, что там работает стационар. Это не только очевидно, но и очесалослышно. Тут один кандидат на выборах говорил, что нужна команда реаниматоров, человек десять, и все возродится. Правильно, только начинать надо с себя. Первым делом санитаров вызвать.

Такие дела, что надо нанимать себе адвоката. И то не выдержит. Скажем, плакальщика надо.

Когда припарковали на обычном месте, как выяснилось потом, возле женского корпуса психбольницы. То-то попала им какая-то красавица с загадочными глазами, похожая на марсианку. Гнусин глянул на счетчик километров: 666. Число зверя! Ночные неуютные мысли крутнулись бессмысленным вихрем. Давай, может, еще сотню метров проедешь, – хотел он предложить парню. Но тот уже заглушил двигатель. Перехватывать инициативу наследник научился на ять. Иногда он казался Гнусину старшим братом, хотя его решения, как отрубленные, не всегда были безупречны, научиться бы отвечать за них.

– Двери не будем закрывать. Давай, бди! – сказал он жене и принялся снимать лыжный костюм и надевать лыжи и понял, лыжный сезон кончился. Снег набух влагой, скольжения никакого. Раз так, давай не пойдем обычным маршрутом, а заберемся на вершину ближайшей сопки, которая слева. Там следы какие-то виднеются. Значит, есть проход. Предложение отца принято. При таком отвратительном скольжении, кстати, забираться легче. Поначалу ломились, как лоси,

и никакой не лесенкой, а напрямую. Теплынь необыкновенная, да еще от физической нагрузки жар. На коже ощущается своеобразная шероховатость и задубленность. То есть, физически ощущаешь, как на кожу ложится загар.

Открылась речка. Птичьи трели. Лиственницы в зеленом мареве, готовые выстрелить нежными иголочками. Стланик начинает вставать, сбрасывая снег с лап. Мухи, комары летают в сумасшествии солнечного тепла, вызывая восторг. Гнусин готов отдать им несколько капель крови. Часа полтора поднимались по склону, чтобы добраться до самых снежных козырьков, от которых оторваны куски размером со слона. В прежние времена там загорала магаданская публика, в несколько этажей. Теперь мало кому есть дело до развлечений. Ни одного человека. Но следы лыж отчетливы, и кто-то пытался сбивать козырьки.

Еще Гнусин обратил внимание, что противоположная сопка идеально сопрягается с этой. Выемка одной с выпуклостью другой, как пунсон и матрица. Он не стал рассказывать о своем наблюдении сыну, а лишь жалел, что судьба не дала ему дара художника, чтобы показать Колыму во всей красе людям. Тем, кто здесь живет, и в особенности тем, кто вдали, поскольку не туда народ смотрит, и скоро опять Север может стать белым пятном. Хорошо бы талантливому живописцу родиться здесь, вырасти и поработать взахлеб, с тем ощущением счастья, которое они испытывают на лыжах.

И вдруг как ножом полоснуло: Гарик! Вчера погиб рос-

лый, статный парень и очень талантливый художник. Его застрелили на улице, в центре города.

Гарик был голубым, и убил его любовник, из ревности. Так погиб Версаче. Как это бывает, умом понять можно, а входить в чужую шкуру он бы не хотел. Восприми это как данность. Мутная волна с самого доньшка души поднимается и бьет в голову, заставляя роптать и рыдать, чувствуя себя причастным горю, сострадая и винясь одновременно, будто мог поставить под удар свои руки – бронезиловым.

Ровно год назад погиб другой парень, сын друга Гнусина, только что принятый на службу в силовое ведомство, на посту, от выстрела в сердце. Кто его? Обезумевший от горя отец считает, что виной любовница – жена старшего офицера, а убивали парня трое, потому что такая траектория. Остался конспект, парень учился и на дежурстве читал учебник. Не мог же он, оторвавшись от тетради, готовый к ней вернуться, беспричинно расстаться с жизнью? Кто его знает. Пистолет – тоже источник повышенной опасности, больше, чем автомобиль. Однако искушение поиграть с оружием велико, и опасность заиграться тоже.

Как же так, гибнут молодые? Разбиваются в вертких «японках», задыхаются от угарного газа в гаражах. Им бы жить, радовать родителей и страну. Что-то тут не так. Недодумали и недоучли.

– Ну что, попробуем спускаться? – спросил сын.

– Ты Гарика знал?

– Встречались раза два в какой-то компании. А что?

Несколько лет назад, когда переехали в центр, Гнусин фантазировал себе, что умершие люди, каким-то боком знакомые, появляются у него в квартире. Это не вызывало у него страха. Кот начинал беспокоиться, нападал на кого-то, иногда метил территорию. То на книги брызнет, то на стену. Может быть, Гарик тоже приходил? Постоял, ушел. Все-таки центр города, все машины, все пешеходы проходят под его комнатой, в арку.

Спускались с вершины долго, вначале «галсами», а потом осмелели, напрямую. И так, и этак ноги сильно устают. Один раз Гнусин упал вперед, ссадил голени о снег, уронил очки, но не роптал, помня о парне, лежащем без дыхания на льду морга. Гнусин радовался теплу в теле, пришедшему взамен бесконечного озноба, который в последние годы одолевает его в холодное время года.

Не могли обойтись без небольшого костерка, имевшего чисто ритуальный смысл, сын сравнил его складывание с икебаной.

Когда возвращались к машине, вспомнили о своей женщине. Вот уж воистину: с глаз долой – из сердца вон. Как она там? Не сгорела ли на снегу? Правильно ли выбрала крем? Когда оставались последние десятки метров, сын оступился, ботинок выскочил, и дужка крепления пробила собой снег. Как ни искали, засовывая руку по локоть, не нашли. Ладно, летом поищем, – решил Гнусин. Он знал, о чем говорил, ведь

нашел же запасной комплект ключей от «Зубила» на автостоянке, где их обронил сын. И опять ему вспомнился Гарик, большой и мертвый.

– Ну, вы даете!

Она встретила их причитаниями. Парню давно хотелось есть. Мать навела порядок в салоне. Дверцы машины были настежь открыты. Вообще-то нормальное их положение – быть закрытыми, – считал Гнусин, но опять не высказал своего мнения, чтобы не быть форменным занудой. Он хмуро ел бутерброд, поодаль от машины, сына и жены. Нашел равноудаленную точку. После ослепительного света долины в глазах было темнее, и еле уловимый сумрак тронул их легким крылом.

Вдруг раздался негромкий треск, и стекло со стороны пассажира разлетелось вдребезги, в крошку.

– Кто? Что? Как? – Послышались недоуменные возгласы.

– Я же говорил о роковом числе, – пробормотал Гнусин и шепотом добавил: – Здравствуй, Гарик? Только ты так не шути, иди своей дорогой.

– Вечно ты со своими глупостями, – она махнула на него рукой с бутербродом. Поскольку мать и сын по эмоциональности не уступали друг другу, обсуждение темы продолжалось довольно долго. Были извлечены и утешительные доводы, ведь если бы стекло разлетелось на ходу машины, осколками могло поранить отца семейства на переднем пассажирском кресле, а главное, досталось бы и сыну, а он за рулем,

и такая неожиданность могла сбить с курса, а далее сплошная непредсказуемость. Мало, что ли, их вверх тормашками на обочине?

Потом Гнусин выпрашивал у автолюбителей, не бывало ли похожего случая, и в чем причина. Ну, там усталость материала, и все такое. Бывает, сталь рассыпается на кусочки. Не то, что стекло. А один достоверно знал, что в аналогичном случае причиной разрушения стекла послужил далекий меткий выстрел из мелкокалиберного бесшумного ружья. Гнусин был готов поклясться, что видел лыжника с винтовкой, повешенной как рюкзак, биатлониста. Только кому это было надо? Неужели такие изверги живут среди нас?

А дужку от лыжи они так и не нашли, хотя приезжали на это место дважды.

Все дороги сходятся

Почему назвали машину ЗИМ?

А чтобы, сколько лет, сколько зим?

Лежачие полицейские

Водитель автомобиля суеверен, каждый по-своему. Многие вешают на лобовое стекло CD-диски, якобы помогающие уберечься от радара автоинспектора, а один разложил на торпеде иномарки несколько икон. В советские времена он имел первый «Жигуль», в возрасте двадцати двух лет, а к тому времени, как с ним познакомился Гнусин, сменил не одну машину, и был у него «Блюберд». Набожный человек, не чуждый суеверий. Как и всякий, сидящий за рулем. Ты рулишь, а тобой кто рулит из необъятной небесной глубины? Машину эту отсудили конкуренты, в счет уплаты долга, вместе с недвижимым имуществом, гораздо более крупным. Но это не повергло его в уныние, ведь кто не познал падения, тот не ощутил запоздалой радости от покоренной ранее вершины.

Биография у этого фаталиста богатая, просто-таки тьма примеров, укладывающихся в простую формулу: «Согрешил – покаялся, согрешил – покаялся». Эпизодов для будущего высшего суда наберется бессчетно. Как гороха из рога изобилия.

– Было дело, – рассказывает, – обхаживал одну молодуху, убедился, что она проявляет взаимность. Как говорится, не откладывая на завтра. Однако поспешил домой, иначе выходные как скомканные.

А машина была в ту пору у него крутая – ЗИМ. Сидишь за рулем, как царь, существо высшего ранга. Гаишники честь отдают, а встречные к обочине жмутся. Однако находится более молодой и более ранний нахал, обгоняет на самосвале, газует, подрезает и выпускает из-под колеса, будто из пращи, небольшой увесистый камень. Прямо в лобовуху ЗИМу. Стекло вдребезги, и осколок в глаз водителю. Мораль сей басни такова: коль затеял любовную игру, так не исчезай, когда тебе отвечают взаимностью. Это надо ценить.

А в Якутии, в давнюю пору, поехал он на «Стратеге» за елками для конторы. Под самый Новый год. Вдруг лесная дорога разветвляется. По какой ехать? Спросить бы кого. Огляделся и обнаружил в тайге ферму. Молодая девчонка. Метиска. Особая, яркая красота. Будто солнце с луной встретились – такое лицо.

Глянул – забыл, зачем пришел. В горле пересохло. Попросил пить. Дала молока. Он взял, но не кружку, а руку. Красавица задрожала особой дрожью, язык которой понятен любому мужчине. Затащил он ее в закуток, где ведра и полотенца, и барахтались они там до полного счастья.

Появление старого якута поставило точку в этой истории.
– По какой дороге ехать, почтенный?

– А все равно, по какой. Они там, дальше в тайге, сходятся.

Душа – 31 грамм

*Встретились голубой псец с жареным
петушком:*

черный ворон накаркал.

Сказочка про белобычка

Одна немолодая женщина, в обличье няни Арины Родионовны, успела прочесть Гнусину небольшую лекцию о душе, вес ее 31 грамм, а также о местах, представляющих в Магадане повышенную астральную опасность, в частности, это участок дороги от кольца тридцать первого квартала до макаронной фабрики, где чаще всего случаются как бы беспричинные дорожно-транспортные происшествия, столкновения, наезды на пешеходов и выезды за дорожное полотно. У него, может, у водилы, в башке барабашки. Убийцы колумбийца.

Она же высказалась и об иномарках – машинах из безбожной, по нашим представлениям, страны. Почему они так часто бьются и не слушаются руля? Разве не ясно?

Гнусин – человек внушаемый, он это знал и старался не соприкасаться с подобной информацией, как бы не слышать и, уж во всяком случае, не поддерживать такие разговоры, способные нанести вред. Однако статистика случившегося с водителями накапливалась. Разрыв тормозного шланга, лопнувший скат, внезапное ослепление, обман слуха, за-

глохший двигатель, превышение скорости на повороте, ледяная линза, да мало ли чего еще! Даже если ты соблюдаешь все, до единого, правила, нельзя ничего гарантировать. Достаточно тех, кому дорожный закон не писан. Они за тебя и согрешат, и покаются, окаянные.

Матвей Ильич Гнусин был суеверным человеком, и, надо сказать, все худшие его суеверия сбывались. Он был задержан за некачественный переход улицы и предстал перед административной комиссией.

– А где водитель? ...ница? С нее взятки гладки, выходит?

– Вообще-то вопросы здесь задаем мы. Но ладно, для вас сделаем исключение. Водитель джипа «Чероки» черного цвета проходит по женской линии, поскольку принадлежит к существам иного ранга, и нашему суду неподсудна. Ею занимается суд женской чести.

Последовала музыкальная отбивка, как на автовокзале, и Гнусин решил, что срок ему уже дали. Так оно и оказалось: 20 минут строгого режима. С конфискацией имущества. Надо же, – вяло подумал Гнусин, – на святое замахнулись. Неужто отберут лайбу, «Зубило» №8? Да, старый кар, но лишить его – слишком суровая кара. Ведь если он что-то и нарушил, пусть даже если есть показания радара и теле съемка, то происшествие он совершил, будучи в статусе пешехода.

– Ну да, ты еще сюда свои переломы вставь, – иронически произнес, налегая на э, прокурор и включил видеомagnито-

фон. Гнусин одним глазом в экран, а другим на служителя закона и резко схуднул с лица. Да это же, ни дать ни взять, инструктор Отверткин. Довольный собой, сияющий, как рыболовная блесна из красной меди, в разгар сезона ловли корюшки.

Гнусин закрыл глаза, не желая видеть эпизоды, связанные с этим человеком, точнее сказать, механизмом для наложения штрафов. Но просмотр продолжался помимо его воли, будто электронный луч, минуя глазные рецепторы, проникал прямо в мозг. Куда годны ваши лазеры и мазеры! А также маузеры. Воспоминания заструились толчками, как кровь из аорты.

Однажды в безработную, слегка беззаботную летнюю пору Гнусин проснулся от вспышки в головном мозге. Какое-то прозрение было, да не сумел расшифровать. Попросил повторить, да где там: сны – нежная штука, а пробуждение – вообще чудо. Возможно, это одна из причин, почему нет пророка в своем отечестве. Что ж, поехал. Неуверенно. То ли на дорогу на ТЭЦ свернуть, то ли к автовокзалу? Руки выбрали последнее. На автобусной остановке в сторону Марчекана частники устроили стоянку. Как говорится, по требованию пассажиров. Вообще-то там знак «остановка запрещена». Гнусин знал это и соблюдал запрет, как законопослушный гражданин. А другие тем временем снимали сливки, то есть пенки – выгодных пассажиров – как с куста.

Поборол немалое внутреннее сопротивление: дай, думает

Гнусин, согрешу. Куда крестьянин, туда и обезьянин. Только подруливает к кормному местечку, как из-под земли вырастает инспектор этот самый, Отверткин, и как миленького напругает по всей форме. Тогда, правда, штраф платили на месте. Меньше волокиты. Хоть и нервное потрясение, но сравнительно небольшое. Даже для столь впечатлительного человека, как Гнусин.

Отверткиным Гнусин этого гаишника сам прозвал. Зимой, в мороз, была какая-то общественная катаклизма, жена задержалась на своей телестудии, звонит: забери, мол, а то ни рук, ни ног нет. Он и подкатил. Давай, говорит, собирайся побыстрее, то есть, не больше пяти минут, там же у вас знак «стоянка запрещена». По просьбе студии, кстати, установлен.

– Да пошел ты! Пошел на три точки! – После долгого телевизионного напруга нервы становятся ни к черту. Сам знает. Выступал как-то. Короче говоря, пока собирались, инспектор свинтил передний номер и умотал. Пострадавший еле концы нашел. Пытался спорить, ведь не одним уставом такая норма, как снятие номера, не предусмотрена. За это самоуправство надо карать, и сурово. На этот пассаж старшее начальство ответило, что уже пытались инспектора приструнить, да он такой: у самого генерала свинтил. Время такое пришло. Демократия называется.

Плюнул Матвей Ильич, не стал спорить. Неприятно, правда, но все легче, что из-за женщины. А здесь, у автовокзала,

и свалить не на кого. Обидно, будто сам себя высек.

Стало быть, обмишурился по крупному. Надо было в сторону ТЭЦ ехать, как подсказывал внутренний голос. Но руки сами руль повернули, а?

Что умеет Гнусин, так это смертельно огорчаться по любому поводу, а то и без повода. А ведь за рулем нужно быть уравновешенным! Может быть, бросить все и бухнуться на диван? ни один инспектор не достанет!

Возвращаясь домой с платной стоянки, куда он определил свою машину, с огромным удовольствием, словно от стакана хорошего вина, неспешно прошагивал он мимо передвижного поста ГАИ, засевшего в недолгую засаду, например, возле той же телестудии! Ни за что не остановят, не потребуют водительское удостоверение и технический паспорт. А удостоверение пешехода еще не изобрели! Пожалуй, засадные гаишники и не догадываются, что этот немолодой хмырь – водитель. Не испытал стресса от встречи с ГАИ, Гнусин закипает от ликования на сбереженной духовной энергии, всей своей массой паря и проливаясь на асфальт. Вот ведь какое, оказывается, это счастье – уходить от конфликта на дальнем к нему подступе. Вот что надо шире внедрять в теорию и практику частной жизни.

Пешеходы не выходят в генералы

*В текущем году отмечается юбилей
стратостата, термостата, супостата,
котлетостата.
Госкомстат.*

Одно время он дружил с гаишниками, правда, не напрямую, а через Гальяна, своего сослуживца по редакции. Потом они стали другие. В этой системе очень быстро меняются кадры, благодаря Северу, скорость падения звезд на погоны выше, чем на «материке», быстрее они уходят на пенсию, а уж там разворачиваются в бизнесе, затыкая за пояс приезжих. Кавказцы называют их красной мафией.

Валера Верблюдов уже подполковник. А с лейтенанта начинал, и довольно поздно, специальность-то у него была довольно далекая от милицейской – учитель биологии. Впрочем, как знать, может, из Дарвина тоже мог выйти неплохой старлей внутренней службы. Вот и другой лейтенант продвинулся к вершинам, а третий вышел в генералы. А ты все тот же рядовой запаса пешеходных войск. И хотя Гнусина никогда не волновало звездное мерцание, все-таки, надо признаться, еще один комплекс он приобрел не из-за того, что штафирка, а что быстро постарел, не меняя своего местоположения. А сейчас мог бы быть привилегированным пенсионером, и гори оно – синим, в полосочку! В лампасы!

Гнусин предается нерадостным размышлениям, когда ждет пассажиров. Почему и кого они выбирают из водителей? Вон две девицы повышенной привлекательности, на его восьмерочку ноль внимания, а подсели на «японку» с двумя парнями. Или у тех не таксование, а свидание? Он как будто в магический бинокль глянул, ощутил аромат юного тела, складочки на груди, взгляд незамутненных глаз, теперь он лишен этого навсегда. Надо было раньше думать, приобретать колеса.

А Гнусина выбрал прокурор. Хорошим оказался рассказчиком. Возле Москвы, говорит, на многих столбах освещения черные ленточки с именами. Траур по погибшим в автокатастрофах. Под обрывом дерево в метр в объёме срезано, а на следующем дереве та машина, что срезала, лежит на ветвях кверху колесами.

Кстати, на спуске к Марчеканскому рыбному порту однажды Гнусина остановили ребята, накрывшие стол на капоте машины. Поминки. Поезжай, говорят, посигналь погромче, батя. Здесь погиб год назад наш товарищ. Гнусин посигналил, уважил. Так, из вежливости. Но чтобы в лепешку расшибиться – нет, не заплатили же.

Дороги Магадана – тоже сплошное виртуальное кладбище, на каждом шагу памятники – кресты, камни с именами на табличках и венки кладбищенские. Диву даешься: на ровном, казалось бы, месте спотыкаются. На бензовозе с прицепом один в гололед притормозил, машина как ножницы, сло-

жилась. Бензин вспыхнул, и все моментом сторело. Другой на уазике ехал из Сусумана. Навстречу два КАМАЗа. Был апрель. Первый грузовик попадает в яму, грязная вода вся на лобовое стекло легковушки. А скорость за восемьдесят. Грязь тут же замерзла под холодным ветром. Хорошо, что вторая машина дистанцию держала, и водитель развернулся так, что ослепленная машина, которая шла на торможение, юзом ударилась боком о бок. Поперек дороги встала. Уазик затормозил в метре от КАМАЗа, столкновения не произошло. А то бы одним прокурором стало меньше.

Гнусин переживает сказанное в лицах, тело его холодеет и погружается в жар. Минут пять не может дыханье поймать. Ладно, наплевать, забыть, пассажирка есть. Симпатичная, молодая. Домчу-ка ее с ветерком! Педаль газа до пола, проносится, а в районе швейной фабрики возникает фигура с жезлом. Опять Отверткин. На радаре 65, а разрешенная скорость 40. Штраф!

Хорошо, хоть девица проявляет деликатность, не зубоскалит. Может быть, даже симпатизирует водителю перед лицом милиции. Преступники у нас всегда выступают в роли мучеников, а в наши дни особенно.

Гонка за инспектором

Методом тыка в тыкв и клюка в клюкву.

Наставления

– Это Отверткин, его каждый водила знает, хотят ему памятник установить при жизни. С отверткой в руке.

– Почему это? – вяло интересуется пассажирка. – Почему не с полосатой палкой?

Эх, взяла бы, заткнулась для разнообразия, – думает Гнусин, высаживая девицу у «Уюта». Тут же цепляется другая, постарше, духи у нее погуще, и на лице еле заметный слой пудры, цвета не нашего, не колымского, загара. Мне, говорит, в сбербанк. Успеть бы, обед вот-вот начнется. Что ж, надо сверкнуть всеми гранями водительского бриллианта. Эх, Матвей, и почему тебя тянет красоваться перед слабым полом? Кто бы ответил. Толку с этого гарцевания ноль целых, ноль десятых, лишнюю копейку не срубишь, а вот погубишь ты себя через женский пол, как пить дать.

– Бабушка, бабушка, почему у тебя такие большие штрафы? – спросила Красная Шапочка, когда автоинспектор остановил ее на красный свет. – Это ничего, внучка, зато у нас смертная казнь отменена, а статьи за каннибализм и во-все нет в уголовном кодексе. – И схрумкал наивную.

Если с Пролетарской на Ленина сворачивать, то ей при-

дется переходить дорогу, размышлял о пассажирке, будто она сестра родная. А что, если пересечь Магаданку за Домом Советов и вдоль речки, там левый поворот на Ленина, прямо к входу в здание банка? Сказано – сделано. Долго пришлось пропускать транспорт, едущий прямо. Наконец, образовалось в потоке машин окошко. Свернул и лихо подкатил, как хотел, к крылечку финансового учреждения, и тут, как из-под земли, возникает вездесущий Отверткин! Предъявите документы, и вся его обычная шарманка. А то, что недавно встречались, его уже не колышет. Он как китайский крестьянин, три урожая в год с одного поля собирает. Что на сей-то раз? Скорость не превышал, это уж точно! Ремень пристегнут. Знаки соблюдал.

А вот и нет. Не заметил знака «левый поворот запрещен» на берегу речки Магаданки. Как в той песенке:

«Увезут на Марчекан,
Не всплакнет чукчанка.
Ой ты, город Магадан,
Речка Магаданка!»

За ошибки что? Надо платить! Раскошеливайся поживее. Хорошо хоть, не жизнью своей! Хорошо, что женщину чужую, красивую, в дорогой одежде и в духах, не угробил! Гнусин почувствовал, как лицо заливают краска. Перед пассажиркой неудобно. А та горазда, выпорхнула, как ни в чем не бывало, не заплатила. Вот бабы! Предательница, иначе

не назовешь.

Да, не заладилось сегодня. Не повезет, схлопочешь, не выезжая со двора. На перекрестке Ленина и Пролетарской, знаменитом тем, что там был установлен первый в городе светофор, свернул направо, к «Чайке», затормозил у магазина. Немного постоять, одуматься не мешает. И тут вновь появляется автоинспектор. Велит предъявить документы. На сей раз остановился в неполюженном месте, слишком близко от выезда со двора, где приют «Тихая обитель», привечают детей непутевых родителей. И сам почувствовал себя так противно, будто он и есть сирота, его взялись опекать, да вернули, не оправдал ожиданий.

Надо было все-таки ехать к ТЭЦ, – решает Гнусин, но не останавливается, опасаясь не соблюсти дорожный знак движения мысли. Если бы поехал к ТЭЦ, Отверткин туда бы направился. Или нет? Допустим. Но ведь могло случиться иное, ужасное. Нельзя даже назвать это нечто, нельзя вызвать в воображении. Слово притягивает беду! Может быть, силой собственной мысли и накликал Отверткина? Как Федя Безмудров, хотел уйти из гостей по-английски, а ушел по-русски, на четвереньках.

На другой день, когда остыл от своих мрачных переживаний, Матвей Ильич попытался пошутить и назвал минувший день «гонка за инспектором». Посмотрел по телевизору местную криминальную хронику. Господь спас его и уберег от столкновений на перекрестке возле школы-магазина,

а также на Якутской-Гагарина.

Невольно представил, как радиатор машины нарастает у правого борта, сминает дверцу, заклинивает, и происходит взрыв бензина. Правда, такие взрывы, как показывают в американских фильмах, случаются крайне редко, но и нескольких поломанных костей человеку хватает для летального исхода от болевого шока.

Начинался вечер, светофоры включили на прерывистый режим. Он осмотрелся и вспомнил, что в глазу человека есть слепое пятно. Оглядывая дальние подходы к перекрестку, не забывай глянуть строго прямо перед собой. Возможно, там таится автомобиль, который ты обязан пропустить. И он вновь помянул высшую силу, отведшую несчастье. Выезжая со двора, попятился, а там молодая мама с коляской. Не сидится им! Небось, будущий лихач пустышкой чмокает.

Это вам кажется

На ладан дышит, на лапу просит.

Митька

На несколько мгновений Гнусин ощутил себя в зале шоферского суда перед экраном судебного телевизора. Поняли теперь, в чем дело? Громовой голос отдался эхом в голове. Это говорил прокурор, так похожий на автоинспектора Отверткина. В этот момент водитель-пешеход очнулся, качнулся на солено-горькой волне. Ему стало нестерпимо обидно, что попал в дорожное происшествие, но и приятно, светлый родничок бил в сердце. А то «с конфискацией». Конечно, если тебя заруют, то и автомобиля лишишься. Это же намек на летальный исход, такая формулировочка. Сколько ни вейся веревочка. Неужели это инспектор придумал такой пассаж? Нет же, не может быть. Не надо искать мужскую железную логику в хитросплетениях сна.

Стыдно признаться, но он испытывал гипнотическую тягу к созерцанию физических уродств. Тяжело констатировать сбегаящий к переносице взгляд ребенка или родимое пятно в половину головы, но не смотреть на это неотрывно – еще тяжелее.

Накануне передавали по телевидению всякие тяжелые кадры. Взорвался припаркованный автомобиль, фрагменты

тел лежат, но на зеленой изумрудной иноземной траве, на залитой солнечным светом лужайке. Другие экстремисты ведут боевые действия в горах, объектив передает приятную светлую дымку, там так хорошо дышится, совсем не так, как в Магадане, чей климат больше сопрягается с умиранием. Даже если это смерть пешехода. На сером, мрачном асфальте, в сером воздухе, где нависла над головой серо-зеленая полынь.

Сам себе игрун

Власть нельзя трогать грязной рукой, тем более ногой.

Попалист-в-Глаз

Как бы то ни было, Гнусин не давал теориям овладевать сознанием. Так было и в коммунистические времена, а в демократическую пору – тем более. За исключением одной теориейки, которая, кстати, всплыла в связи с произведенным хирургическим вмешательством в его организм, измененный столкновением с автомобилем. Ему дали анестезию, а это, кстати, не очень-то хорошо. Побочное действие имеется. Стоит раз-другой употребить, и ты пристрастился. И ты на игле. Ерунда? Конечно, дичь. Но Гнусину нравится забавлять себя всякой чепухой и примерять разные роли. Один профессор открыл, что зависимость от сладкого сравнима с тягой к алкоголю.

Как-то, еще в советское время, он купил полкилограмма черного перца-горошка. Часть подарил другу, но до сих пор тот не может небольшой семьей его съесть. Перец уже почти выдохся, к его природной горечи примешалась моральная горечь прошедших лет и горечь утрат. В том числе того друга, который так и не доел перец, ушел к верхним людям. Привкус земного праха и космической пыли. Гнусин кидал

черные горошины в гороховый суп, с избытком, до изжоги. В капусте, посоленной женой на зиму, в мясном рагу перец, не видно ему конца. Говорят, пуд соли съесть. А пуд перца – жизни не хватит. Соль идет гораздо быстрее. Горчицу Гнусин готовит сам. Баночка в четверть литра уходит за месяц. Избыток горечи должен повлечь избыток мозговых витаминов счастья. Но как-то не получается. Народ все больше втягивается в опупение. Правда, у нас большинство живет подшофе, но это здоровее.

Подкорковые видения ударили Гнусина противоходом, как, бывает, настигает уходящая прибойная волна. Он воспринимал хирургический бред как откровения и считал необходимым все-все подробным образом растолковывать и сделать для себя выводы в реальной жизни: насчет того, как водить машину в туннеле, на скорости, близкой к скорости света, кого пропускать на повороте, хотя, кажется, поворотов не было и вообще, и в частности, надо вспомнить, но не очень-то вспоминается. В такой спокухе вдруг начинает колотить нервная дрожь. В ней некогда разобраться. Жизнь полна перца и горчицы, и еще недавно и он сам, и его машина не были на столь удаленном от первого месте. Да и неважно, как смотрится со стороны, сам по себе он был хорош. Счастливчик, а не постаревшая Золушка, как сегодня. Не требовался никакой допинг, чтобы перышком порхать по жизни.

Конечно, он наделал ошибок, знать бы, каких, за них бы

и расплачиваться. В детстве от матери слышал такое выражение: «Будто корову купила», хотя не помнит, чтобы она покупала корову, дом. Даже избушку не осилили. Зато она получила квартиру от своей службы, и он так радовался этому, года два или три, что одолел этой радостью тяжелую хроническую болезнь. А потом, в самостоятельной жизни, они с женой родили сына, получили квартиру, и вот этот автомобиль тяжело, конечно, достался, не так, как сегодняшним богатеньким, которым вовсе не надо экономить на сигаретах, чтобы завести машину. Жаль, что приходится убеждать самого себя в былой состоятельности, а иначе где взять силы, чтобы подняться после наезда?

Зубило и чайник

Скачут инородцы —

Иноходцы.

Цвет не маркий – иномарки.

На собственном автомобиле

Зайцем катят.

Видно, мало били

Гипотенузой в катет.

Ладушки

Белая, как снег, стремительный силуэт, его машина в девяностом году была заметна на зимних улицах Магадана. Непривычная ее форма будто говорила о ненасытности скоростью и движением. Это теперь, в новом веке, множество белых японских «мыльниц», процентов 60 от всего потока, но понимающие люди не позволяют отозваться о «Зубиле» неуважительно. Его до сих пор путают с японкой и удивляются, почему руль слева, но не потому, что хотят польстить, подластиться к водиле, дабы согласился подвезти, а просто это такая машина. Сама по себе заслуживает похвал. Ну, салон победнее, сидения проще, а на ходу зверь. Перламутр обшивки под темно-серыми чехлами, как красивое белье на женщине под рубищем.

Придурку досталась, – добавят некоторые. Гнусин и сам никогда не отрицал своей принадлежности к патологиче-

ским психам с замедленным, искривленным сознанием, а то и отсутствием оногo. Вот уж о ком сказано: «спускает на тор- мозах». Садясь за руль, он прежде, чем трогаться с места, ставил автомобиль на ручник, а трогался с места очень мед- ленно, пятясь. А уж потом, преодолев оцепенение, включал сцепление. Ничего удивительного: всего год за рулем.

Однажды он оказался в микрорайоне Строитель, так на- зываемой Яме. В этой большой Яме были маленькие ям- ки. На спидометре не намотано и десяти тысяч километров. Первую накрутил его родственник Саша Десант, когда гнали машину с завода до города Свердловска. Гнусин в той поезд- ке был пассажиром, и даже в этой ипостаси переживал самый большой в жизни стресс. Привык передвигаться на трамвай- чике, в автобусе, а в Магадане больше пешочком. Такси возь- мет, так потом месяц жаба давит. Он скорости не знал.

Тяжелое испытание для организма – стремительно набе- гающий пейзаж. Ну, не успевает он в своем убогом созна- нии переварить столь густой поток зрительной информации. Того и гляди, какой-нибудь внутренний орган лопнет. Или наступит сдвиг по фазе. Когда получил купленную «вось- мерку» в Магаданском морском порту, достали ее из ящика, рулить оказалось некому. Товарищ на работе вызвался по- мочь, да так и проездил за персонального водителя до весны месяца три, пока опарыш (одно из прозвищ новичка, чай- ника) осваивал основы вождения в автошколе. Естественно, Гальян себя тоже не забывал: таксовальщиков тогда было

немного, заработки на «Зубиле» доставались высокие. Когда Гнусин наездился в пассажирском кресле, самое время настало пересесть на иномарку, где руль справа. Это была его шутка.

И вот Гнусин сам сел. Мандраж, не то слово. Соображаловка на нуле. То на скорости девяносто пытается выполнить поворот и закрутится волчком, то утонет колесом в весенней луже, вплоть до намокания свечей, то в поребрик влетит, погнет диск, то камень пропустит «между ног». Многое с испугу и в стрессе. Боялся ездить вечером, будто одолела куриная слепота. Когда снег стаял, дорога стала черная, никакими фарами не высветишь, а уличные фонари тусклые, и кажется, что где-то, совсем уж рядом, подстерегает пропасть, ухнешь – костей не соберешь.

И все-таки с тех пор, как появилась машина, самые лучшие переживания связаны с ней. И ослепительный вечерний пейзаж при вспышках фар, пугающий центр города с его стремительным спуском и затяжным подъемом проспекта Ленина, и дорога на окраины – в Марчекан, на Веселую. Особенно когда откатает свое и бредет домой, и наступает уверенность, что сегодня ничего плохого больше не случится. А на стоянке все-таки надежные, ответственные тети, не допустят угона и разграбления.

С введением карточной системы необходимость транспорта стала ясна каждому ежу. Приехал в центральный гастроном, а там индийский чай, большая пачка на талон, уда-

ча. Гранулированный, но навар дает крепкий. Пять пачек забираем. Там же сливочно-масленные талоны. На Кожзаводе хорошо отовариваться, почти не бывает очередей. А водку удавалось неоднократно покупать на Ново-Веселой. Там и вино бывало. И в других отделах товар всякий, без ограничений. Талоны на бензин не вводили, но перебои с горючим бывали, и скрепя сердце одну зиму заливали 76-й бензин вместо 93-го. С собой таскали две канистры, на всякий случай. «Зубило» воспринимало это как предательство и не давало своей мощности, тащилось в горку как ишемический больной, затяжной подъем от морского рыбного порта приходилось преодолевать на первой передаче, двигатель грелся, гудел, шумел, и Гнусин чувствовал себя таким же больным, как автомобиль. Когда появлялся в продаже нормальный бензин, машина преображалась и на подъеме напоминала его владельцам летательный аппарат, так рвалась вперед и выше, сидение из-под задницы вырывала.

В жизни Маркс и Ленин не встречались, а в городе проспекты их имени пересекаются. Поворот с Ленина на Маркса – с набитой заледенелой колеей, надо уметь вписаться. А там стоят пешеходы, намерения которых необходимо предугадать. Как его уловил военный патруль в прошлогоднюю зиму! Думал чайник: финиш настал. Нет. Только замечание сделали, мол, не останавливайтесь на автобусной остановке. Отъехав, Гнусин проклинал себя, сам не зная за что. Ну, не могли военные к гражданскому санкции применить.

А чем черт не шутит! Правда, к следующей зиме получше стал управляться, но снег – не асфальт, на вид из кабины не определишь, можно ли по нему двигаться.

Тем более, водопроводный колодец в Яме – не редкость. Над его крышкой снег стоял до самого железа, а снег над асфальтом, спрессованный машинами, имел толщину сантиметров сорок. Въехать в эту яму колесом, да еще таким небольшим, как у «Зубила», равносильно попаданию в капкан. Гнусин применял в вождении тактику испуга, то есть тормозил в том месте, где тормозить никак нельзя, а следует проскочить по инерции, и газовал, где это недопустимо, например, на льду, пытался трогаться там, где можно было тронуться лишь в переносном смысле. Теоретически он мог бы пропустить данную яму «между ног», то бишь, колес, если бы имел побольше опыта. А так въехал задним колесом, и поскольку притормозил, въехал передним в другую яму. Достал лопатку, поковырял спрессованный снег, отчего заныла какая-то жила в спине, понял, что здесь и бульдозер не справится.

Отчаяние мгновенно овладело его существом. Холод заполз под одежду и добавил тревоги. Так сморщивается и опадает вынесенный на мороз тепличный цветок. Казалось, вот-вот взорвется Вселенная. Вместе с тем, в нем подспудно сидела мысль о чудесном избавлении, которое придет само по себе, неожиданно и всеобъемлюще, как новогодний сюрприз. Он готов был заплатить за помощь, если такая подвер-

нется, и это при его сугубом скупердьяйстве. Лишь бы ноги унести. Недаром говорится: не знаешь броду, не суй концы в воду. Даже если вода в виде снега. Он еще не успел осознать в полной мере безвыходности своего положения, как появились трое незнакомцев. Взяли за задок, подняли из ямы, поставили на снег. Свободен!

Гнусин откатил машину на полметра, чтобы зафиксировать свободное положение, вышел из машины и стал нижайше благодарить за свободу. Об оплате у него язык не повернулся, а вот подвезти предложил.

– Ну вот и подбрось, – сказал один. Гнусин не различал их по лицам, а по голосу сразу понял: это лидер. Командирский голос. Может, сержантом служил...

– Конечно-конечно, – с подобострастием, достойным лучшего применения, пролепетал Гнусин. Над ним нависло проклятье остаться неблагодарным. Быстро усадил троих и поехал, пережитая опасность дала душевный подъем и уверенность в движениях, когда включаешь именно первую, а не заднюю передачу, а вместо газа не нажмешь на тормоз.

Дорога здесь не очень сложная, на выезде из жилмассива светофор, он уже в прерывистом режиме, а твоя дорога главная. Недавно поменяли знак, так несколько человек залетело. Опасность. Никто же на эти знаки ежедневно не смотрит, помнят наизусть. На кольце 31 квартала поменяли, так это еще в автошколе говорили. Вообще-то правильное решение, а то в городе всего два кольца, и режим движения не одина-

КОВЫЙ.

– А ты, батя, шустрый. Вроде тихой, а даешь.

– Да я и сам от себя не ожидал. Я если выпью, пляшу. Вам куда? Не стесняйтесь.

– До Марчеканского переулка, – слышалось с заднего сидения.

– А нам дальше, – сказал пассажир, расположившийся на первом сидении. Гнусин скосил глаза, увидел сверкнувшие зубные коронки и большой шрам, как от удара сабли, делавший лицо этого человека ухмыляющимся тяжелой, недоброй ухмылкой.

Высадив невзрачного мужичонку возле цеха керамзита, Гнусин повторил вопрос и почувствовал, по движениям Порезанного, что становится для них неким подобием персонального водителя, вспомнил Гальяна и даже стал подражать его движениям. От незнакомца исходила непонятная сила, подавляющая достоинство окружающих. Зима, давно уже темень, холод-то не страшен, печка в машине жарит, как в сауне, но все-таки некий холодок мягко пробежался по хребту.

– Продай машину, батя, зачем она тебе нужна, – как двойной удар боксера, в голову и в сплетение. Как брошенная на воде каменная плитка касается поверхности многократно, испуская концентрические волны, так и эта фраза растеклась кругами. «Продай» и «папаша» были синонимами опасности.

Гнусин давно понял, что эти разговоры нужно пресекать

в зародыше. Если поинтересуешься, сколько дадут, а потом заявишь, что не собирался продавать, никто не поверит, сочтет, что уже начал торговаться. Будет предлагать по нарастающей, пока не сдашься. Денег у этих людей немеренно, за ценой не постоят. И вообще могут машину спалить. Через жену подкатывали, восемьдесят тысяч давали, девятикратную цену. Можно было купить дачу, гараж и еще бы осталось на другую машину, похуже. Нет, – как отрезал.

Зима в Магадане, бывает, продержится малоснежная, а под финиш, в апреле, нападает годовая норма. Но бывает и раннее изобилие, в конце октября, за четыре-пять дней вывалит столько, что до лета не разгрестишь. Дорожные службы напрягаются, а снега не убывает. Да еще обледенеет с оттепелью, тогда как по мылу. Стронуться трудно, остановиться еще труднее. Несет на заклинивших колесах вперед и разворачивает боком. Если не поцелуешься с таким же бедолагой железным поцелуем, то хорошо, и еще лучше, если встречный не грузовик.

Такой гололед и был. А тут еще вспомнились страхи о зарезанных, задушенных таксистах и частных извозчиках, и тех, кто по доброте душевной и наивности взялся помочь ближним. Но ведь эти ребята не подкарауливали, не упрашивали и не принуждали. А видеть злой, далеко идущий замысел в освобождении его от снежного плена – это явная шиза.

– На Попова нам. Знаешь, где?

– Знаю, – обрадованно ответил Гнусин, будто отвечал

урок по ориентированию. На Попова, в гору к радиомачте, он подвез женщину с ребенком и помнил, как там надо забираться вверх по льду. Если подсыпали, так ничего, по песочку можно вскарабкаться. Возле «Звезды» вроде нормально, а далее участок в строительных обломках, можно шину проколоть. А-а, обойдется. Не все же невезение.

И впрямь обошлось. Может быть, оттого, что у потяжелевшей машины, трое мужиков все же, сцепление с грунтом лучше.

Кончилась улица, дома и общежития, а они требуют выше в сопку.

– Не проеду я дальше, – сказал Гнусин, и прежние опасения всплыли в сознании, как удар сковородкой по затылку.

– Как это не проедешь, а мы на что! Забыл?

Зря я так, – упрекнул себя Гнусин, имея в виду Порезанного. Подумаешь, человек, может быть, брился, кто-то помешал, рука дрогнула. Едем и не знакомимся, как на рыбалке. Гнусину почему-то казалось, что на рыбалке не принято знакомиться. Правда, на рыбалке, в бухте Нагаева, он был один раз, то есть имел лишь первое впечатление.

Совсем молодой – Владик из Владивостока. Невелик ростом, и волосики редкие, светлые. С такой шевелюрой в любом возрасте не добьешься солидности. Черты лица его были мелкими, такие ребенка превращают сразу в старика, без особого предупреждения. Зачем я так вглядываюсь в их физиономии? Вот еще, Ломброзо, закрывший амброзо.

Машина медленно карабкалась вверх, затем налево и еще вверх. Наконец, сказано было остановиться, и две собаки принялись зловеще и хрипло лаять, с двух сторон, пока не открылась не заметная в заборе калитка и не вышел еще один, совсем молодой человек. Все трое казались ему однояйцовыми близнецами, даже если учитывать Порезанного. Тот так и не назвал своего имени, будто это было ниже его достоинства, как если бы Шварцениггер стал представляться человеку, который никогда не видел его даже на кассете.

– Подожди нас, папаша, – сказал командир, и Гнусин вновь опешил от такого панибратства. Недавно на кольце стройки Дома Советов он встал, не имея на то причин. Бывают же у людей безотчетные порывы. Сзади в него чуть не врезался «Москвич». Из него вывалился мордovorот с монтировкой и гневно глянул на помеху.

– Да устал я, устал, – голос Гнусина сипло сорвался.

– Ты что, батя, под дурака молотишь!

Десант

*Семейный подряд, а холостой через одну.
Калякало*

Тогда резануло больнее это «батя». Главное, возразить нечего. Состарился на мерзлоте, и ни наград, ни благодарности, ни покоя. Учись смиряться с этим и жить, пока живется. Дурак старый, потащился. Надо было сидеть дома. Или встретиться с Захарычем. У того гараж – мечта. На Кольцевой. С ямой, водой, электричеством. «Москвич» его, правда, морская вода подъела, хоть и подновляет, подкрашивает. На рыбалку, на бухту Гертнера, прямо по льду шуруют с сыном и женой. Там компания большая, гаражное братство. Машинам дают женские имена, как кораблям. Гнусин, как ни напрягался, не смог последовать их примеру. Кстати, не только отдыхают – работают вместе, вертолеты ремонтируют, состоятельные, домовитые люди. Не разлей вода, дружат. Когда с ними познакомился, поселилось в сердце чувство счастья и покоя, никогда в жизни такого не было. Будто встретил каких-то знаменитостей. Больших артистов, и свет их славы проливается на тебя тоже. Или нет. Сравнить не с чем. Не было в жизни таких людей.

В гаражах, как дома. Тепло. Телевизор. Чаю попить, поесть, водочки накатить. Картошка-капуста в нижнем этаже.

Корюшка коптится, кета. Коптилка от миски опилок действует лучшим образом. Гнусин им всем оказался интересен, поскольку ни у кого нет такой диковинной машины. Интересно заглянуть под капот. Сам-то ни бельмеса. Электронное зажигание? Как это? А где трамблер? Всплыло слово «мафия», наверное, бывает и добрая мафия, но в их ряды не влиться. Не хотелось бы: это значило бы отказаться от части своей независимости.

Скоро Захарычу на заводе очередь подошла новую машину покупать, «Жигули», шестерку. Тут уж Гнусин героем дня стал. Потому что нашел, чисто интуитивно, новый путь доставки автомобилей в Магадан – в обход саратовской автомобильной мафии, и мог поделиться придумкой с окружающими. Как до Свердловска догнать, тут ни ума, ни фантазии не нужно, а обычная карта дорог СССР. А затем на товарную станцию железной дороги, найди Марию Матвеевну, она всю документацию оформит. А ребятам, которые ящик собьют, на платформу погрузят, по особой таксе. Но все равно вдвое дешевле, чем в Тольятти или в Самаре заломят.

Всякий раз, вспоминая об удачно проведенной операции, Гнусин таял от счастья, как лед на июльском солнце, растекался, как домашнее крестьянское масло на горячем блине. Он ведь в полное отчаяние пришел, когда обзвонил авиационные перевозки и начальника железной дороги. Авиаторы такую сумму заломили, что на полмашины бы хватило. А железка готова принять груз, но будь добр, запакуй в ящик

и предьяви. Найди подъемный кран, погрузи. И все надо состыковать и согласовать. А эти уральские умельцы сбили на платформе помост, давай, загоняй своим ходом. Саша Десант въехал, тормознул, как вкопанный, ручничок затянул: стой, родимая. Все, выходи, теперь это наша головная боль. Десант даже бутылку водки в багажник заложил, в коробку туалетной бумаги. Сухой закон, где ты там найдешь, чем обмыть игрушку. Устроил нам Горбатый Юрьев день!

Ребята прямо над машиной должны были сбить ящик из хорошего бруса, но потом, без участия владельца. У каждого свой ритм: дойдут руки, займутся. Один, как встанет, вначале в туалет идет, а уж потом руки моет, а другой, как глаза продрал, в душ и покурить. Не путайся под ногами, земля, дойдет твой груз, оглянуться не успеешь. Сердце заныло в дурном предчувствии. Мало ли что? Будто ребенка в больнице оставил.

Мужики все правильно сделали, честные уральские парни. Зря оскорбил их подозрением. Только адрес протрафаретили неправильно. Забыли указать такую мелочь, как «пункт назначения Магадан». Хотя и написали в другой графе. Но даже с этой нестыковкой «Зубило» дошло за месяц, через всю державу. Так что берите мою проторенную дорожку и владейте. Интеллектуальную продукцию. Телефон дал Людмилы, сестры жены. Десант Саша – ее муж. Квартира у них большая, и мужик почти всегда в отъезде, в Нижневартовске вахту несет. Специалист по электрическим подстан-

циям. Он и в радио разбирается. Золотые руки. С Захарычем – два сапога пара, дурной голове покоя не дадут. Большой такой, могучий. А вот в аварии дважды попадал, нога переломанная и так, по мелочам.

У человека от катастрофы навсегда отметина остается. И у машины. Битая машина, хоть ее до идеала доводи, вытяни, отрихтуй, покрась, уже не машина, – объясняли Гнусину спецы. В критическую минуту подведет, только так. Жив останешься – слава Богу. А Десант, хоть и покалеченный, не подведет, с ним хоть в разведку, хоть в контрразведку, надежность 700 процентов, как у плотины Днепрогэса.

Десант садился за руль «Зубила» с опаской. Вспотел, красный весь. На трассу, за город, их вывел специально нанятый человек, за четвертной. А там уж по прямой – чем не езда! Дорога союзного значения, наш, советский хайвэй, горе веревочкой завей. Сначала-то Саша грубовато все делал, на педали жал, руль крутил с усилием, как с прежними моделями обращался, а потом нежней. Игрушка, да и только. А ну-ка, обогнать КамАЗ! Жаль, по техпаспорту в первое время положено не превышать 90 километров в час. Они хоть и большие, сараи, а жмут за 80. По газам! Бедный Гнусин обливается липким потом, а рот открыть не решается, хоть и нечто подобное поговорке «рожденный ползать летать не смеет» вертится на языке.

На полосу встречного движения вывел, а навстречу еще один сарай. Забронзовел Десант, руки и ноги у него не из ко-

стей и мяса, а из металла. По газам! Лоб в лоб. Гастелло. Не отвернуть. Бах вправо, обошел и подрезал грузовик, а встречный обдал вихрем жара, горелой солярки и машинного пота! Гнусин выдохнуть не может, устал за этот миг, как за всю жизнь не уставал. Десант порозовел, развалился в кресле, уверенность пришла, расправила лицевые мускулы. Красавец! Наверное, в этот миг он пережег в себе остаточные явления прежних неудач. Только что, несколько месяцев назад, разбил «семерку». Там, в Свердловске, пошустрей камазисты.

Спали путешественники прямо в машине, разложив кресла. Новое чувство наполняло уставшее от счастья и волнения тело. Безраздельное, безоговорочное счастье, как бывает в детстве. Он задремал и увидел сон про то, как сидит за рулем, мчится на скорости выше сотни, с красоткой в кабине, и мотор поет марш энтузиастов: «Все выше, и выше». Он принимает руль на себя, и послушное «Зубило» взмывает в поднебесье наподобие МИГа.

Через несколько часов доберутся до Свердловска, и Людмила накормит их хорошим мясом. Она знает толк в настоящей мужской еде, а ведь будто вчера была школьницей, самая младшая из четырех сестер. Одновременно со старшей вышла замуж, и ее сын – ровесник сыну Гнусина. Учиться в вузе она не стала, пошла в торговлю. У кого школа-магазин, а у нее университет-магазин. И не жалеет, поскольку прикоснулась к дефициту. За те же деньги, что получала бы в конто-

ре, нормальная жизнь, а если уж муж зарабатывает на Крайнем Севере, а тратит на Урале, так вообще выше среднего. Жаль, конечно, что машину разбил, но с кем не бывает. Надежный он мужик, поэтому и отважилась второго ребенка родить. Да такой чудный – солнышко.

Только всех ее торговых связей не хватит, чтобы организовать отpravку машины Гнусина. Так и сказала: «На меня не рассчитывай. Коньяк достать, колбасы сырокопченой – это да, но не больше». А ведь надо свести вместе столяров, чтобы ящик сбить, с подъемным краном и железной дорогой вопрос решить, и все синхронно. Если б в Магадане, а то в незнакомом городе. Будет с чего голове пухнуть. Десант тоже пальцем не шевельнет. Предупредил. Принципиально. Как сговорились. Скорее всего, завидки берут. Сильная это зараза – болезнь белых глаз, нет на нее противосилы. Разве что шоковая хирургия. Если бы без рук, без ног, инвалидом, нашлись бы благодетели, а машина привалила – будь добр сам. Ни дна тебе, ни покрышки! Хотят лицезреть, как будет трепыхаться, подобно ужу на сковородке, метать икру бисером. Неизвестность отравляла счастливцу праздник обладания.

Поспали в машине, на обочине, часа три – эйфория быстрой езды была им как женьшень. Не насытились сумасшествием пожирания километров. Десант открыл кейс, блеснувший и булькнувший внутренностями.

– Хочешь? Коньяк есть, пей.

– Нет, мы же за рулем! – Десант ухмыльнулся с медвежьей грацией. Похоже, он на мгновение простил Гнусину его счастливый билет.

Они ехали по дорогам с хорошим покрытием, любовались степными пейзажами, а потом возник на горизонте Златоуст с тяжелым многослойным дымом, как из триллера. Урал. Скоро и Свердловск. Как раз к первому снегу попали. Гнусин отряхивал с багажника снег голой рукой, не чувствуя холода. Какой-то мужик на аналогичную машину красного цвета поставил какие-то щитки, на дверь багажника. Помогают ли они? – спросил Десант. Мужик ответил с превосходством бывалого человека: мол, я ее уже неделю не мою, и хоть бы что. Заднее стекло покрылось толстым слоем грязи, на которой задний дворник проделал дугообразное оконце, обеспечивавшее минимальный обзор. Десант окатил неряху ведром презрения. Машину поставили на стоянку. За ночь рубль.

– Хочешь два? – спрашивал Десант. – Дай ему два.

Щедрый он, Десант, всю соленую горбушу отдал тому мужику, который вывел их из автогорода. Выклянчил у Гнусина плоскую канистру, которую покупали в Тольятти на всякий случай и заливали до горловины. И зачем-то ударил Людмилу, когда перед полетом в автоград крепко приложились к огурчикам с луком, курице из духовки, борщу, в связи со знакомством. У Гнусина из-за специфического недержания речи вырвалось, что Люда до сих пор не достала ему

блоки для бритвы, отечественного производства, да сто лет они не нужны, а Десант шлепнул жену по щеке: почему мужика не чтить? Вроде шутя, а она обиделась до слез.

Правда, потом, ночью, они помирились, и она, штука, вытребовала в знак примирения очередную обновку.

В самолет садились совершенно нетранспортабельные. Зато обнимались и поддерживали друг друга, как давние друзья. Ничего подобного с первым мужем Людмилы не достигли.

– Один я бы ни за что не справился, даже если бы и умел водить машину, – сказал Гнусин, когда улетал в Магадан.

– Ну ты даешь, – отозвался Десант, не сдерживая остервенения. – Надо же, все горошки на ложке. А то приbedнялся, разыгрывал из себя рохлю.

Это он об отправке автомобиля. Настолько эта операция оказалась приятной, что Гнусин возвращался к ней в воспоминаниях неоднократно. В первый свердловский день насладились ездой по большому городу, заглянули к родителям Десанта, к общему тестю, к другой сестре, всякий раз купаясь в волнах оживления, вызванных крупным приобретением магаданцев. Потом кончилась неделя, отпущенная начальством на покупку. Надо было возвращаться. За авиабилетом, устроенном Людой, тоже заезжали на «Зубиле».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.